

Н. В. Гришина

СИТУАЦИОННЫЙ ПОДХОД: ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ЗАДАЧИ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ¹

В статье анализируется развитие представлений в области изучения среды и контекста существования человека; идеи К. Левина, лежащие в основе ситуационного подхода; объяснительные модели, существующие в психологии для описания взаимодействия человека с ситуацией. Фундаментальной характеристикой современной реальности является ее неопределенность. В качестве наиболее релевантного подхода ее изучения рассматривается подход к пониманию жизненного пространства как пространства возможностей человека. Идея активного субъекта, осуществляющего свой выбор в жизненном контексте, развивается отечественными учеными (субъектный подход, концепция надситуативной активности, экзистенциальный подход). Приводятся результаты исследований решений по изменению актуальной жизненной ситуации в зависимости от восприятия будущей ситуации с точки зрения ее возможностей или рисков. Отмечаются практические и прикладные возможности ситуационного подхода. Библиогр. 15 назв. Ил. 1.

Ключевые слова: ситуационный подход, контекст, жизненное пространство, неопределенность, экзистенциальный подход.

N. V. Grishina

SITUATIONAL APPROACH: RESEARCH TASKS AND APPLICABILITY

The article analyzes the development of ideas in a field of environment and context of human existence; K. Lewin's ideas that underlie the situational approach; explanatory models that exist in psychology to describe human interaction with situation. Uncertainty is a fundamental characteristic of contemporary reality. The most relevant approach to study of reality presents an approach to understanding of life space as a space of personal opportunities. Russian scientists develop an idea of an active subject making his/her choice in the life context (subject approach, a concept of supra-situational activity, existential approach). The results of research of decisions to change current situations depending on perception of a future situation in terms of its opportunities or risks are presented. Practical and applied opportunities of situational approach are emphasized. Refs 15. Figs 1.

Keywords: situational approach, context, life space, uncertainty, existential approach.

Одной из заметных тенденций развития современной психологии является возрастающее внимание к изучению контекста, связанное в том числе с признанием усиления влияния средовых и ситуационных факторов на жизнедеятельность человека.

Развитие идей, связанных с разработкой понятий и изучением контекста существования человека и становлением ситуационного подхода, имеет свою историю. Тема среды существования человека и средовых влияний на его поведение в той или иной форме присутствует во всех направлениях психологии с самого начала ее возникновения. Первоначальное понимание контекста существования человека

Гришина Наталья Владимировна — доктор психологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9; grinat07@gmail.com

Grishina Natalia Vladimirovna — Doctor of Psychology, Professor, St. Petersburg State University, 7/9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; grinat07@gmail.com

¹ Исследование поддержано грантом РГНФ, проект № 15-06-10546.

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2016

фактически не отличалось от представлений обыденного сознания, четко разделяющего человека и окружающую среду: среда существования человека рассматривалась как некая совокупность внешних по отношению к нему условий, как нечто внеположенное субъекту и независимое от него, хотя и оказывающее влияние на его поведение и состояние.

Как известно, *методологический прорыв* в пересмотре традиционной оппозиции «личность — среда» принадлежит К. Левину.

К. Левин в своих работах дает новое решение фундаментальной методологической проблемы соотношения объективного и субъективного, внешнего и внутреннего мира человека. Левин описывает среду как воспринимаемую и переживаемую субъектом и тем самым преодолевает традиционную оппозицию «внутреннее — внешнее» в интерпретации источников поведения: он объединяет их, придавая «внешним», ситуативным факторам «внутренний», субъективный характер. В соответствии со своим пониманием принципов построения «новой» психологии Левин считал, что «переход от аристотелевских к галилеевским концептам требует, чтобы мы искали “причину” событий не в природе одиночного изолированного объекта, а во взаимоотношениях между объектом и его окружением. ... Каждая научная психология должна принимать во внимание целостную ситуацию, то есть состояние как человека, так и среды. Это предполагает, что необходимо найти методы описания человека и окружающих условий в общих терминах как частей одной ситуации. В психологии нет понятия, которое объединяло бы и то, и другое. Слово “ситуация” обычно используется для обозначения среды. В дальнейшем мы будем использовать термин “психологическое жизненное пространство” для обозначения всей совокупности фактов, которые детерминируют поведение индивида в конкретный момент» [1, р. 10–12].

Оригинальность и новизна подхода Левина к изучению человека в контексте его существования резко контрастировали с доминировавшими исследовательскими подходами в психологии того времени, и его идеи не могли получить широкого распространения. Основными направлениями в работе психологов были персонологические подходы, которые акцентировали внимание на личностных особенностях как детерминантах поведения человека и зачастую замыкали личность в круг интрапсихических концептов и интерпретаций.

Сильным вызовом традиционным подходам, фактически игнорировавшим контекстуальные и ситуационные переменные, стала известная работа У. Мишела «Личность и оценка» (1968). Обобщение и сравнение результатов многочисленных исследований психодиагностического характера показали крайне низкую степень согласованности полученных в различных исследованиях данных, касающихся поведенческих проявлений, соответствующих личностным чертам. Этот результат вынудил Мишела сделать вывод о низком прогностическом потенциале исследований личности, исключающем возможность прогноза поведения, и поставить вопрос о его транситуативной согласованности. Следствием проведенного анализа стало предположение о том, что «кросс-ситуативная согласованность поведения может являться исключением, а специфичность поведения — правилом» [2, с. 170–171]. По утверждению Л. Росса и Р. Нисбетта, работа Мишела «до самого основания потрясла здание психологии личности», и эти потрясения, по их мнению, продолжали сказываться на психологии в течение десятилетий [там же].

Впечатляющим аргументом в пользу привлечения внимания к ситуационным влияниям стали драматические результаты экспериментов С. Милгрэма и Ф. Зимбардо, которые вызвали не меньшее потрясение и имели большой резонанс, вышедший, как известно, далеко за пределы психологического сообщества. Главный урок этих экспериментов состоял в том, что тип ситуации может определять поведение человека в большей степени, чем его личностные особенности.

Л. Росс и Р. Нисбетт обращаются к этой теме в своей знаменитой книге «Человек и ситуация», которая также в свое время была оценена как одна из важнейших психологических работ десятилетия и считается самым сильным вызовом ситуационного подхода к современной психологии. В сущности, что подчеркивают сами авторы и что никак не умаляет их заслуг, они лишь возвращаются к идеям Курта Левина, приводя множество фактов и примеров, иллюстрирующих влияние ситуационных переменных на поведение человека. Называя Курта Левина основоположником ситуационного подхода, Росс и Нисбетт выделяют *три главных принципа* этого подхода: 1) принцип ситуационизма, утверждающий сильное детерминирующее влияние контекста; 2) принцип субъективной интерпретации, означающий, что воздействие любой ситуации зависит от личностного значения, придаваемого ей человеком; 3) принцип целостного изучения ситуации, предполагающий, что «научная психология всегда должна принимать во внимание целостную ситуацию, то есть состояние как человека, так и среды» [1, р. 12], а поведение должно выводиться из всей совокупности одновременно существующих фактов, имеющих характер силового поля, когда состояние одной части поля зависит от любой другой его части. Идеи ситуационного подхода и их обоснование побуждают к пересмотру традиционных представлений, основанных на личностных подходах.

Примеры ситуационной обусловленности поведения индивида многочисленны, разнообразны и впечатляющи. Излишне доказывать очевидную необходимость разработки тематики ситуационного контекста. Однако ни сама ситуация, ни ситуационный контекст, несмотря на их очевидное значение, в сущности, так и не стали самостоятельным предметом исследования в психологии, сохраняя статус факторов, влияющих на поведение и состояние личности.

Усиление внимания современной психологии к проблематике контекста связано с изменениями реальности последних десятилетий, которые не позволяют игнорировать влияние средовых и ситуационных характеристик на психологию людей.

С одной стороны, мы больше узнаем об их влиянии на человека как на уровне макроструктур и макроконтекстуальных факторов, так и на уровне «тонких» влияний. Сегодня психология, в первую очередь благодаря исследованиям в области нейронауки, располагает впечатляющими данными о влиянии средовых факторов на базовые, в том числе геномные, структуры, лежащие в основе поведения человека.

С другой стороны, есть основания предполагать, что имеет место и реальное усиление влияния средовых факторов на человека. Так, ученые, работающие в смежных науках, высказывают соображения о возможном изменении паттернов наследования и генетической детерминированности, в частности о переходе от вертикального контура обмена информацией к горизонтальным процессам как более активным и эффективным. Также имеющиеся данные позволяют говорить об усилении влияния ситуационных факторов при росте неопределенности контекста. Исследования неопределенности и ее психологических последствий для

человека демонстрируют экспоненциальный рост, а сама неопределенность начинает рассматриваться в качестве основополагающей характеристики современного мира [3]. Новые вызовы современности, прежде всего ее неопределенности и сложности, ставят перед психологами задачи поиска релевантных методологических и исследовательских решений, направленных на изучение того, как трансформируются ментальные картины мира людей, живущих в условиях нарастающей неопределенности и сложности мира, и того, как люди реагируют на эти изменения современности [4].

Интерес к исследованиям контекста, безусловно, возрастает, и их необходимость очевидна.

Главным остается вопрос о том, как изучение контекста и ситуационный подход могут использоваться для объяснения поведения людей.

В свое время Х. Хеккаузен [5], обобщая все возможные *подходы психологии к объяснению поведения человека*, свел их к четырем возможным вариантам.

Личностно-центрированный подход (теория свойств личности) опирается на представления об индивидуальных различиях в поведении людей в одной и той же ситуации и о стабильности проявлений личности в схожих ситуациях. Поведение выводится из особенностей личности, ситуация рассматривается как импульс к действию, актуализируя диспозиции «привычной готовности». Критика данного подхода обычно подвергает сомнению однородность поведения индивида по отношению к ситуациям и акцентирует внимание на том, что в схожих ситуациях поведение человека не так уж однотипно (как можно было бы ожидать исходя из детерминированности поведения человека исключительно имеющимися у него личностными диспозициями).

Ситуационно-центрированный подход (ситуационизм) опирается на представления об очевидной вариативности поведения человека, связанной с его отношением к ситуации и ситуационной мотивацией. Поведение выводится из свойств ситуации, что в первую очередь поддерживалось экспериментальными исследованиями, бесконечно варьирующими условия ситуации, в результате чего наблюдались и соответствующие вариации поведения.

Обе предложенные объяснительные модели стали основанием для различающихся направлений исследований, что позволило даже говорить о «двух дисциплинах научной психологии», одна из которых изучает индивидуальные различия людей и разрабатывает соответствующие методы измерения, а другая делает акцент на анализе эффектов, производимых внешними переменными [5, с. 20]. Однако очевидная односторонность этих подходов довольно быстро приводит к возникновению третьей объяснительной модели.

Взаимодействие индивида с ситуацией как объяснительный фактор поведения. Данный подход пытается синтезировать две ранее представленные точки зрения, находя для этого убедительные эмпирические аргументы: действительно, трудно не согласиться с тем, что в большинстве ситуаций поведение человека обычно обусловлено как личностными, так и ситуационными факторами. При этом понятие взаимодействия индивида с ситуацией означает, что поведение человека есть результат некоторого взаимовлияния его характеристик и особенностей ситуации, которые в результате непрерывного «взаимообмена» между ними влияют как на мотивацию и диспозиции индивида, так и на его оценку ситуации.

Несмотря на преимущества этого подхода, он, тем не менее, сталкивается с рядом трудностей развития, прежде всего с невозможностью строгого разграничения личностных и ситуационных факторов. Попытки исследования «чистых» ситуаций и создания ситуационных прототипов продемонстрировали всю сложность данной гносеологической проблемы: обыденное знание имеет дело со сложной единицей «человек-в-ситуации» и неспособно разделять ее на составные части, что отнюдь не означает ограниченность обыденного сознания. Научная психология — по крайней мере, в рамках данного подхода — также считает, что субъект и ситуация неразделимы, а взаимодействие индивида с ситуацией в сущности представляет собой их взаимовлияние, взаимопроникновение.

Г.Вебстер [6] провел статистическое исследование частоты публикаций последних десятилетий, связанных с личностно-ситуационной дискуссией и личностно-ситуационным взаимодействием. Самый сильный рост обнаруживают публикации, посвященные моделям личностно-ситуационного взаимодействия, фактически объединяющим личностный и ситуационный подходы, что позволило автору сделать оптимистический прогноз относительно прогресса в этой области (рис. 1).

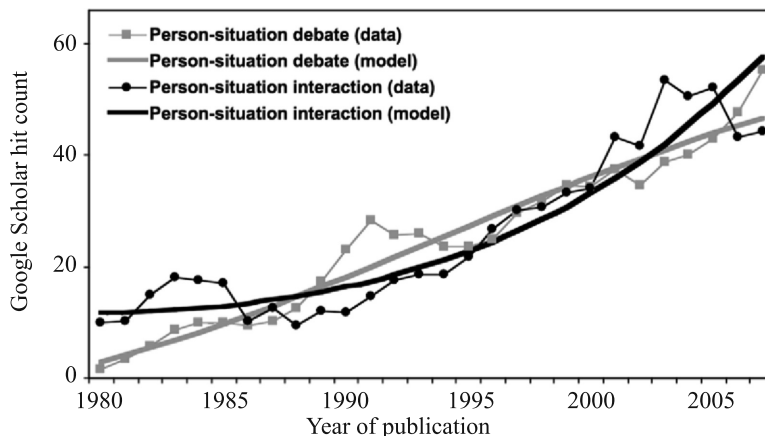

Рис. 1. Частотный анализ количества публикаций за 1978–2007 гг. по тематике личностно-ситуационного взаимодействия [6]

Обратимся, однако, к четвертому объяснительному подходу взаимодействия личностных и ситуационных переменных в поведении человека, который приводит Хеккаузен.

Возможности осуществления деятельности. Название данного подхода к пониманию взаимодействия личностных и ситуационных переменных в поведении человека заметно отличается от других. Объясняя смысл данного подхода, Хеккаузен отмечает, что он дает объяснение «не тому, почему производится определенное действие, а тому, почему оно *не* производится». Ответ на этот вопрос — «из-за недостаточных возможностей осуществления, вследствие ограниченности ситуационных, точнее, экологических характеристик жизненного окружения» [5, с. 32]. Акцент в данном подходе делается на ситуационных характеристиках жизненного окружения, которые рассматриваются как возможности и ограничения осуществления дея-

тельности. Длительный дефицит возможностей ограничивает развитие соответствующих личностных диспозиций и тем самым возможностей поведения. Представляя данный подход, Хеккаузен ссылается на введенное Баркером понятие «поведенческое поле», которое, согласно авторскому пониманию, определяет (ограничивает) поведение человека формами, соответствующими данному месту и времени, и не зависит от индивида. Приведенные Хеккаузенем пояснения — акцент на ограничениях и независимости «поведенческого поля» от человека — существенно снижают ценность сформулированного подхода к поведению человека в поле возможностей.

Каждый из описанных Хеккаузенем подходов имеет свои основания и релевантен для разного типа исследований поведения и решения задач поиска детерминант активности человека.

Вместе с тем если рассматривать более широкий контекст существования человека, то тогда в соответствии с представлениями об изменениях современной реальности, определяющих способы взаимодействия человека с окружающим миром, особого внимания заслуживает подход, предлагающий рассматривать контекст существования человека прежде всего как пространство возможностей.

Следует напомнить, что *идея жизненного пространства как пространства возможностей человека* была заложена уже К. Левином.

Психологическое жизненное пространство характеризуется Левином как множество возможных событий. И с теоретической, и с практической точки зрения важнейшей характеристикой ситуации является то, что возможно и что невозможно для человека в данной ситуации. Каждое изменение психологической ситуации человека означает, что определенные события, которые прежде были «невозможны» (или «возможны»), сейчас являются «возможными» (или «невозможными»). И тогда задачей научной психологии становится понимание того, почему именно это поведение имеет место, а фокус интереса смещается от объектов к процессам, от состояний к изменениям состояния. Если жизненное пространство представляет собой совокупность возможных событий, тогда «предметы», которые входят в ситуацию, особенно сам человек и психологические «объекты», должны быть охарактеризованы их связью с возможными событиями. В соответствии с этим поведение человека есть результат реализации им его актуальных возможностей в данном конкретном жизненном пространстве.

Изучение поведения человека через пространство его возможностей представляет особый интерес для современной психологии, по крайней мере для тех ее направлений и подходов, которые, в отличие от традиционной психологии, опирающейся на постулаты необходимости и детерминированности, делают акцент на возможности и самодетерминации [7].

Поиск способов описания и изучения жизненного контекста как пространства существования человека, пространства его возможностей (или ограничений), выбора им способов взаимодействия с окружающим миром осуществляется в разных направлениях.

Для отечественной психологии характерен акцент на активной, преобразующей роли человека в его взаимодействии с жизненным контекстом. Наиболее явным образом данный подход реализуется в *субъектном подходе*, становление и развитие которого связано с именами С. Л. Рубинштейна и А. В. Брушлинского. Основополагающий вклад С. Л. Рубинштейна в развитие идей в данной области

был сделан с помощью введения в научный дискурс психологии категории «мир». Бытие, по Рубинштейну, есть нечто, существующее независимо от человека, однако включение человека в бытие преобразует его, придает ему новые значения и смыслы. Бытие начинает выступать как *мир* человека, соотноситься с человеком как его часть и продукт его развития. Человеческое бытие становится таковым в силу человеческой активности, способной изменять бытие [8]. Субъектный подход нашел свое продолжение в работах В. В. Знакова, посвященных психологии человеческого бытия; им, в частности, описаны способы понимания человеком окружающей действительности как способы его взаимодействия с миром [9, 10].

Как возможный вклад в исследование жизненного контекста как пространства возможностей может рассматриваться *концепция надситуативной активности* В. А. Петровского, в которой сформулированы представления о выходе активности человека за пределы необходимого, прагматически адаптивного поведения, о его способности к выходу в сферу возможного, в сферу созидательности как надситуативной активности [11].

Особая роль в рассмотрении контекста существования человека как пространства реализации его возможностей принадлежит *экзистенциальной психологии*. Базовым постулатом экзистенциальной философии, принятым экзистенциальной психологией, является представление о том, что человек существует не в мире необходимости, но в мире возможностей и пространстве выбора.

Экзистенциальная психология является ответом на очевидную необходимость выхода психологической науки на новый уровень описания проблем человека, его взаимоотношений с окружающим миром. Потребность в этом обусловлена нарастающим осознанием того, что традиционная психология не может объяснить феномены, выходящие за пределы «заданности», личностными и ситуационными характеристиками.

По признанию ученых, все более явной и определяющей характеристикой человеческого существования становятся вызовы неопределенности. Именно неопределенность «выступает тем “полем” взаимодействий, на котором разворачивается активность человека, отвечающего вызовам как конкретной ситуации, так и, в более широком контексте, собственной судьбы» [12].

Неопределенность и непредсказуемость будущего сопровождаются тревогой, которая в экзистенциальной философии и психологии считается нормальным атрибутом человеческого существования. Мир все более обретает черты, свойственные экзистенциальной картине мира.

В этом смысле экзистенциальное мировоззрение созвучно изменениям современной реальности и представлениям о неопределенности современного мира как его фундаментальной характеристике. Д. А. Леонтьев отмечает, что «суть экзистенциального мировоззрения состоит в отношении к жизни как к тотальной неопределенности, единственным источником внесения в которую определенности выступает сам субъект» [3].

Понятие неопределенности связано с понятием возможного, неопределенность означает наличие альтернативных возможностей. Неслучайно, что понятие жизненного выбора является одним из центральных понятий экзистенциального подхода, который предлагает свое описание взаимодействия человека с миром, делая акцент на вызовах неопределенности и выборе своего бытия.

Таким образом, разные подходы современной психологии сходятся в своем интересе к рассмотрению жизненного пространства человека как пространства его возможностей и выборов, что является методологическим основанием развития идей ситуационного подхода для изучения жизненного контекста человека.

Развитие и оформление идей ситуационного подхода сталкивается с рядом трудностей. Одной из них является *проблема языка описания*. Так, даже понятие ситуации до сих пор не имеет в психологии терминологической определенности. Выражение «взаимодействие человека с ситуацией» также является неточным, речь, как уже отмечалось, идет скорее о некоем взаимовлиянии, взаимопроникновении.

Изучение ситуаций сталкивается с рядом *гносеологических проблем*. Общая логика взаимодействия человека с ситуацией предполагает выстраивание им когнитивных гипотез, их проверку, «подгонку» под имеющееся знание, результатом чего становится квалификация («определение») ситуации, запускающая соответствующие ситуации формы активности. Однако исследовательские сложности, как уже отмечалось, связаны с тем, что обыденное знание не организовано вокруг таких единиц категоризации, как «люди» и «ситуации», но представляет собой «нерасчлененное знание в головах», некую слитную единицу описания — «человек-в-ситуации».

Еще одно требование к разработке идей ситуационного подхода связано с необходимостью *изучения реального жизненного контекста*. Следует признать, что эмпирические основания развития ситуационного подхода могут быть получены только в результате «полевых» исследований, выполненных в реальном жизненном контексте.

В течение последних лет нами была выполнена *серия исследований*, в центре внимания которых были изменения реальных жизненных ситуаций людей (в связи с переездом на учебу в другой город или предложениями, полученными в связи с рабочей ситуацией). Общие результаты этих исследований свидетельствуют, что видение ситуации будущего — как следствия изменения актуальной ситуации — оказывает влияние и на принятие решений в пользу изменения жизненной ситуации или сохранения ее неизменной, и на переживание происходящих изменений. Так, *оценка ситуации будущего* в терминах неопределенности и риска или в терминах новых возможностей оказывает влияние на принятие решений об изменении жизненной ситуации или отказе от изменений; оценка ситуации будущего в терминах неопределенности и риска порождает тенденцию к консервации и неизменности, а оценка ситуации будущего в терминах возможностей ведет к поиску нового; для принимающих решение в пользу изменения ситуации большую роль играли возможности нового контекста, для отказывающихся от перемен — сдерживающие факторы и др. При принятии решений об изменении жизненной ситуации значимую роль играют *жизненный опыт* (ранний опыт изменения жизненной ситуации и более раннее начало самостоятельной жизни) и *направленность личности* (ценностные ориентации). В целом, проведенные исследования свидетельствуют в пользу подхода к изучению изменений жизненных ситуаций как выходу в сферу возможного [13].

Помимо исследовательских приложений ситуационный подход обладает практическими и эмпирическими возможностями.

Практические возможности связаны с применением ситуационного анализа к изучению условий жизненной среды и жизненного контекста людей. Примером

такого практического использования ситуационного подхода было проведенное нами изучение жизненного сценария женщин, наблюдавшихся в условиях кризисного центра. Анализ их жизненных историй позволил выявить логику развития событий, приведших к возникновению критической жизненной ситуации. Изменения жизненного контекста проходили через критические точки — точки выбора, приводившего к изменению жизненной ситуации. Деструктивный жизненный сценарий представлял собой последовательность сменяющих друг друга жизненных ситуаций, перемежающихся критическими точками выбора, которые вели к возникновению ситуации саморазрушения, невозможности самостоятельного ее изменения и обращению в кризисный центр [14].

Прикладные возможности ситуационного подхода связаны прежде всего с модификацией средового контекста и ситуаций, направленной на создание условий, обеспечивающих требуемый эффект. Это может касаться как организации пространства в целом (например, образовательной или развивающей среды), рассчитанной на пролонгированное воздействие, так и модификации ситуаций по принципу «здесь-и-сейчас» для решения специфических задач. Примерами последнего могут быть ситуации тренинга со специально вводимыми правилами взаимодействия участников, благодаря чему создается особая атмосфера в группе, или известная процедура «мозгового штурма». Принцип модификации ситуации состоит в достижении ее целостной трансформации за счет изменения ее базисных черт, что влечет за собой соответствующие изменения в поведении и взаимодействии участвующих в ситуации людей. В частности, на этих методологических основаниях построена практика медиации — переговорная практика с участием «третьей стороны». Медиатор, используя специальные приемы и техники, способствует трансформации ситуации противостояния (конфронтации) в ситуацию сотрудничества, что обеспечивается изменением правил взаимодействия [15].

Таким образом, обсуждение ситуационного подхода и его возможностей позволяет прийти к следующим *выводам*.

В современной психологии происходит очевидная трансформация традиционной парадигмы «личность — среда». Основаниями новых тенденций и подходов в рассмотрении взаимодействия человека со средой, его существования в мире являются изменения современной реальности. Разнообразные ракурсы обсуждения данной темы в научной литературе сходятся в признании неопределенности в качестве фундаментального вектора происходящих изменений. Именно неопределенность становится основополагающей характеристикой современного мира.

Соответственно кардинальным образом меняются и способы взаимодействия человека с окружающим миром. Возрастает активность самого человека, конструирующего свою жизнь в неопределенном мире, исполненном вызовов сложности и разнообразия.

Отношения человека с окружающим миром, в сущности, представляют собой воплощение себя в формах и отношениях жизни. Разнообразию возможностей соответствует разнообразие способов отношений с миром, индивидуальные различия между людьми все в большей степени становятся связаны со способами организации жизни. Соответственно избираемые нами способы взаимодействия с окружающим миром в условиях множества его возможностей и вариантов выбора начинают определять нашу сущность, что заставляет вспомнить один из ба-

зовых постулатов экзистенциальной психологии, утверждающий, что существование предшествует сущности. Мы выбираем свой способ бытия в мире, и этот наш выбор, в свою очередь, определяет нашу сущность. Реальность сегодняшнего дня ставит человека перед жизненным выбором, тем самым в условиях современного мира человек действительно превращается в творца, «автора» собственной жизни, а мера его включенности в бытие становится показателем его личностной зрелости.

Трансформация традиционной парадигмы «личность — среда» ставит современную психологию перед необходимостью поиска методологических и исследовательских решений, релевантных задачам описания существования изменяющегося человека в современном мире и его отношений с изменяющимся миром. Одним из возможных решений стоящих перед психологией задач является развитие идей ситуационного подхода.

Литература

1. Lewin K. *Principles of Topological Psychology*. New York; London: McGraw-Hill Book company, inc., 1936. 231 p.
2. Росс Л., Нисбетт Р. Человек и ситуация. Уроки социальной психологии. М.: Аспект Пресс, 1999. 429 с.
3. Леонтьев Д. А. Вызов неопределенности как центральная проблема психологии личности // Психологические исследования. 2015. Т. 8, № 40. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 10.12.2015).
4. Асмолов А. Г. Психология современности: вызовы неопределенности, сложности и разнообразия // Психологические исследования. 2015. Т. 8, № 40. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 10.12.2015).
5. Хеккаузен Х. Мотивация и деятельность. М.: Педагогика, 1986. Т. 1. 407 с.
6. Webster G. The person–situation interaction is increasingly outpacing the person–situation debate in the scientific literature: A 30-year analysis of publication trends, 1978–2007 // *Journal of Research in Personality*. 2009. Vol. 43. P. 278–279.
7. Леонтьев Д. А. Восхождение к экзистенциальному миропониманию // Третья Всероссийская научно-практическая конференция по экзистенциальной психологии: материалы сообщений. М.: Смысл, 2007. С. 3–12.
8. Субъектный подход в психологии / под ред. А. Л. Журавлева, В. В. Знакова, З. И. Рябикиной, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009. 618 с.
9. Знаков В. В. Психология человеческого бытия: проблемы и перспективы // Психология субъекта и психология человеческого бытия / под ред. В. В. Знакова, З. И. Рябикиной, Е. А. Сергиенко. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2010. С. 252–272.
10. Знаков В. В. Теоретические основания психологии понимания многомерного мира человека // *Вопросы психологии*. 2014. № 4. С. 16–29.
11. Петровский В. А. Человек над ситуацией. М.: Смысл, 2010. 559 с.
12. Корнилова Т. В., Чумакова М. А., Корнилов С. А., Новикова М. А. Психология неопределенности: Единство интеллектуально-личностного потенциала человека. М.: Смысл, 2010. 334 с.
13. Гришина Н. В. Изменения жизненной ситуации: ситуационный подход // Психологические исследования. 2013. Т. 6, № 30. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 10.12.2015).
14. Гришина Н. В. Ситуационный подход и его эмпирические приложения // Психологические исследования. 2012а. Т. 5, № 24. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 10.12.2015).
15. Гришина Н. В. Ситуационный подход к анализу и разрешению конфликтов // *Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 16. 2012б. Вып. 3. С. 3–7.*

References

1. Lewin K. *Principles of Topological Psychology*. New York, London, McGraw-Hill Book company, inc., 1936. 231 p.
2. Ross L., Nisbett R. *Chelovek i situatsiia. Uroki sotsial'noi psikhologii [The Person and a the Situation. Perspectives of social psychology]*. Moscow, Aspekt Press Publ., 1999. 429 p. (In Russian)

3. Leont'ev D. A. Vyzov neopredelennosti kak tsentral'naiia problema psikhologii lichnosti [Challenge of uncertainty as a central problem of personality psychology]. *Psikhologicheskie issledovaniia* [Psychological investigations], 2015, vol. 8, no. 40. Available at: <http://psystudy.ru> (accessed 10.12.2015). (In Russian)
4. Asmolv A. G. Psikhologiiia sovremennosti: vyzovy neopredelennosti, slozhnosti i raznoobraziiia [Psychology of modernity: challenges of uncertainty, complexity and diversity]. *Psikhologicheskie issledovaniia* [Psychological investigations], 2015, vol. 8, no. 40. Available at: <http://psystudy.ru> (accessed 10.12.2015). (In Russian)
5. Khekkauzen Kh. *Motivatsiia i deiatel'nost'* [Motivation and action]. Moscow, Pedagogika Publ., 1986, vol. 1. 407 p. (In Russian)
6. Webster G. The person–situation interaction is increasingly outpacing the person–situation debate in the scientific literature: A 30-year analysis of publication trends, 1978–2007. *Journal of Research in Personality*, 2009, vol. 43, pp. 278–279.
7. Leont'ev D. A. Voskhozhdenie k ekzistentsial'nomu miroponimaniuu [Climbing to existential understanding of the world]. *Tret'ia Vserossiiskaia nauchno-prakticheskaia konferentsiia po ekzistentsial'noi psikhologii: materialy soobshchenii* [Materials III Third Russian Research-to-practice conference on existential psychology, 3–5 may, 2007]. Moscow, Smysl Publ., 2007, pp. 3–12. (In Russian)
8. *Sub'ektivnyi podkhod v psikhologii* [Subjective approach in psychology]. Eds A. L. Zhuravlev, V. V. Znakov, Z. I. Riabikina, E. A. Sergienko. Moscow, «Institut psikhologii RAN» Publ., 2009. 618 p. (In Russian)
9. Znakov V. V. Psikhologiiia chelovecheskogo bytiia: problemy i perspektivy [Psychology of human existence: problems and prospects]. *Psikhologiiia sub'ekta i psikhologiiia chelovecheskogo bytiia* [Psychology of subject and psychology of human being]. Eds V. V. Znakov, Z. I. Riabikina, E. A. Sergienko. Krasnodar, Kubanskii gos. un-t Publ., 2010, pp. 252–272. (In Russian)
10. Znakov V. V. Teoreticheskie osnovaniia psikhologii ponimaniia mnogomernogo mira cheloveka [Theoretical foundations of psychology of understanding of multidimensional world of person]. *Voprosy psikhologii* [Questions of Psychology], 2014, no. 4, pp. 16–29. (In Russian)
11. Petrovskii V. A. *Chelovek nad situatsiei* [Person above a situation]. Moscow, Smysl Publ., 2010. 559 p. (In Russian)
12. Kornilova T. V., Chumakova M. A., Kornilov S. A., Novikova M. A. *Psikhologiiia neopredelennosti: Edinstvo intellektual'no-lichnostnogo potentsiala cheloveka* [Psychology of Uncertainty: The unity of intellectual and personal potential of man]. Moscow, Smysl Publ., 2010. 334 p. (In Russian)
13. Grishina N. V. Izmeneniia zhiznennoi situatsii: situatsionnyi podkhod [Changes in life situation: situational approach]. *Psikhologicheskie issledovaniia* [Psychological investigations], 2013, vol. 6, no. 30. Available at: <http://psystudy.ru> (accessed 10.12.2015). (In Russian)
14. Grishina N. V. Situatsionnyi podkhod i ego empiricheskie prilozheniia [Situational approach and its empirical applications]. *Psikhologicheskie issledovaniia* [Psychological investigations], 2012a, vol. 5, no. 24. Available at: <http://psystudy.ru> (accessed 10.12.2015). (In Russian)
15. Grishina N. V. Situatsionnyi podkhod k analizu i razresheniiu konfliktov [Situational approach to analysis and resolution of conflicts]. *Vestnik of Saint-Petersburg University. Series 16. Psychology. Education*, 2012b, issue 3, pp. 3–7. (In Russian)

Статья поступила в редакцию 11 января 2016 г.